

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Субботин В.И. Дискуссии об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике эпохи Предмарта // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70910 EDN: DUZYQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70910

Дискуссии об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике эпохи Предмарта

Субботин Владислав Игоревич

аспирант; Исторический факультет; Московский Государственный университет

111397, Россия, г. Москва, ул. Новогиреевская, 44/28

✉ vladislavsubbotin98@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70910

EDN:

DUZYQK

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2024

Дата публикации:

02-06-2024

Аннотация: Статья посвящена обсуждению немецкой литературной общественностью 1830-х-1840-х гг. художественной и общественной роли политической лирики. Работа стремится представить разнообразные суждения видных публицистов, теоретиков литературы и писателей эпохи, таких как Людвиг Берне, Генрих Гейне, Роберт Эдуард Пруц. Автор разделяет устоявшееся в немецкой историографии представление о том, что литературно-критическая дискуссия эпохи Предмарта дает более полное представление о генезисе политического сознания немцев и протекавших в Германии общественно-политических процессах. Внимание автора сосредоточено на дискуссии, касавшейся эстетических и идеально-политических представлений литературного сообщества о месте поэзии в пространстве культуры, ее функциях и претензий писателей на

непосредственное участие в политической жизни Германии. Методологической основой настоящей работы стали теоретические установки научно-исследовательских направлений "истории понятий" и интеллектуальной истории. В статье высказывается предположение о том, что время резкой политизации немецкой художественной культуры в 1830–1840-е гг. совпало с пересмотром прежних принципов художественного творчества, ускорило его и одновременно усложнило, придав обоим процессам более конфликтный и нелинейный характер, зафиксировав отсутствие среди немецких авторов либерально-демократических взглядов, стоявших в авангарде литературной теории, общих, ясно сформулированных эстетических ориентиров. Тем не менее, происходит легитимация политической поэзии на теоретическом уровне, однако до конца не снимается противоречие между сферами политики и эстетики. А литературные дискуссии постепенно выходят из художественно-эстетической сферы в сферу практической политики: умеренные либеральные взгляды сталкиваются с демократическим радикализмом, национально-патриотические идеи вступают в полемику с космополитическими.

Ключевые слова:

Предмарт, политическая лирика, тенденциозная поэзия, немецкая литературная критика, Роберт Эдуард Пруц, Генрих Гейне, Людвиг Бёрне, Георг Гервег, партийность, художественный период

Вводные замечания: проблемное поле дискуссии

Тридцатые и сороковые годы XIX столетия сопровождались последовательным ростом политической активности немецкой общественности. Обостренное внимание к общественно-политической проблематике было связано с двумя вызовами, стоявшими перед Германскими государствами. Первый носил национальный характер и был связан с актуализацией вопроса о единстве немцев и их интеграции в единое гражданское сообщество. Второй — политико-правового толка, касался проблемы демократизации политической системы Германских государств. Концептуальное осмысление процесса политизации публичной сферы и различных областей искусства нашло место в пространстве немецкой литературной критики, которая к тому моменту начинает осмыслять себя в качестве важного института общественного мнения [\[18\]](#).

Обращение заметной части авторов к политической тематике регулярно встречало резкое противодействие со стороны властей, боровшихся с ангажированной литературой путем усиления цензуры, запретов на печать произведений отдельных авторов и целых литературных объединений. К печати регулярно не допускались сочинения Г. Гейне, А. Гофмана фон Фаллерслебена, Ф. Фрейлигата, Ф. Дингельштедта и др. По решению Франкфуртского Бундестага в декабре 1835 г. под запретом оказались сочинения авторов, причисленных к литературному движению "Молодая Германия". Среди них были такие писатели как Г. Лаубе, К. Гуцков, Т. Мундт, Л. Винбарг. В постановлении Бундестага приводились морально-этические аргументы в пользу запрета произведений, в которых цензоры обнаружили "дерзкие нападки на христианскую религию, дискредитацию существующих социальных отношений, разрушение благопристойности и нравственности" [\[6, S. 398\]](#).

Тем не менее, дискуссия относительно роли политического в художественной литературе и в поэзии, в частности, продолжала активно вестись. И она имела глубокие культурные

основания. Молодое поколение писателей 1830-1840-х. бросило много сил на "развод" с предшествующей художественной традицией. Главными темами многих сочинений стало критическое переосмысление роли центральной фигуры немецкой литературы рубежа XVIII-XIX веков И.В. фон Гёте и его творческого наследия, а также переоценка художественных установок романтического искусства. Примеры неприятия прежних художественных принципов романтизма обнаруживаются в цикле статей А. Руге и Т. Эхтермейера, издателей журнала "Галесские ежегодники", которые выходили под общим заглавием "Протестантизм и романтизм" (1838-1840-е гг.) [4].

Однако отличительной чертой многих представителей немецкой литературной теории стала слабость позитивной программы, выступая с критикой романтизма и политически индифферентного творчества, они редко предлагали убедительную эстетическую альтернативу [35]. Пожалуй, единственным внятно сформулированным лозунгом долгое время оставалась необходимость поворота к современности, к достоверному изображению реальности и разработке общественно важных тем [19, Р. 152]. Последовательное утверждение реалистического принципа и социальной направленности встречается в художественном творчестве и публицистике Г. Бюхнера, в прозе К.Л. Иммермана, В. Алексиса, драматургии К.Д. Граббе и К. Гуцкова.

Для немецкоязычной публики символической цезурой стала смерть И. В. фон Гёте 22 марта 1832 года. Его уход воспринимался как закат целой художественной и даже шире культурной эпохи, которую Г. Гейне называл "художественным или классическим периодом" [13]. Наравне с другими авторами Г. Гейне заявил о том, что нынешнее время требует от художника новых принципов обращения с формой и содержанием своих произведений [13, S. 153]. Под понятием "художественный период" Г. Гейне объединял поэтические сочинения классицизма и романтизма [19, Р. 153]. Оба эти художественных направления, как он сам полагал, уделяли недостаточно внимания событиям современности, и в конце концов в глазах своих читателей растеряли свой авторитет, поскольку были неискренни в своем отношении к реальности. Их же влияние на аудиторию и риторическая сила оказались едва заметны. Можно сказать, что Г. Гейне свойственен специфический род художественного прогрессизма, когда он утверждает, что современная поэзия обязана «соответствовать своему времени» и должна способствовать "борьбе за движение вперед", добавляя, что "аристократический период литературы [...] подходит к концу [...], и начинается демократический" период" [12, S. 70].

Таким образом, в литературно-критических кругах разворачивается дискуссия, которая, хотя и касалась первоначально вопросов эстетического характера, приобрела важное общественное значение. В немецкой историографии эта тема активно разрабатывается [10,11, 18, 29, 31], отдельные аспекты ее освещены также в отечественных работах, преимущественно советского периода, которые, между тем, в основном рассматриваются в рамках более общих тем [33,35].

Центральный вопрос дискуссии, развернувшейся в 1830—1840 е гг., состоял в том, насколько поэзия способна и вообще должна отвечать веяниям времени, обращаться к современности, может ли она решать по преимуществу общественно-политические задачи, при этом оставаясь произведением искусства и сохраняя свою эстетическую ценность?

Эта проблематика распадалась на три круга тем:

1) Первый касался вопроса о легитимации политической поэзии в качестве

самостоятельного жанра лирики;

2)Второй включал размышления о необходимости обращения к общественно-политической проблематике и функциональной значимости политической поэзии;

3)Третий был связан с осмыслением проблемы открыто декларируемой партийности автора и явления так называемой “тенденциозной поэзии” [\[29, S. 125\]](#).

Сущность вопроса, связанного с первым комплексом проблем, удачно сформулировал литературный критик и поэт Р.Э. Пруц: “Общеизвестно, что у нас, немцев, поэзия и политика рассматриваются как решительные и совершенно непримиримые противоположности, и поэтому политическая поэзия у нас обычно считается вещью, которая либо невозможна, либо не существует, либо, как вещь недопустимая, вещь, которая не должна существовать” [\[28, S. 253\]](#). В нынешние времена же разрушается ревностно оберегаемая авторами классиками автономия художественного произведения, поэзия начинает служить риторическим задачам, превратившись в инструмент коммуникации, нацеленной на убеждение. Проще говоря именно прагматические цели лишают стихи в глазах многих авторов статуса “настоящей поэзии” [\[28, S. 253\]](#).

Возникшее противоречие между сферами эстетического и риторического как раз и пытаются решить Р. Пруц, задавшись целью придать политической поэзии прочный легитимный статус. В разговор о политической поэзии он вводит историческое измерение, доказывая значимость политической поэзии как явления современной эпохи. Затруднительные взаимоотношения между риторикой и эстетикой Р.Э. Пруц изящно решает через доказательство о приверженности политической поэзии принципам особого рода эстетики — так называемой “эстетики воздействия” [\[28, S. 259\]](#).

Споры о партийности в литературе и «тенденциозной» поэзии

В 1830-е гг. в среде литературной общественности в ходу оказались понятия “тенденция” и “тенденциозная поэзия”, ставшие пренебрежительными ярлыками для модных произведений, имевших отчетливую общественно-политическую направленность и, как правило, сочиненных молодыми литераторами «на злобу дня» [\[35\]](#).

С одной стороны, аргументы против тенденциозных авторов лежали в той же плоскости эстетико-риторических споров, что и дискурс о политической поэзии в целом. Даже такой открыто ангажированный автор как Г. Гервег в 1839 году в своем очерке о современной литературе признает, что красота художественного произведения “часто приносится в жертву тенденциозности” [\[16, S. 296\]](#).

Среди авторов, признававших легитимность и даже общественную значимость политической поэзии, развернулся спор о “допустимых” и «недопустимых», «полезных» и «вредных» её формах. В частности, публицист Ф. Т. Вишер пытался провести разграничение между эстетически и риторически ориентированной политической поэзией. Как он полагает, “настоящую политическую поэзию” отличает интерес к вопросам прошлого народа, размышления над самой идеей государства и нации, “тенденциозная поэзия”, напротив, обращается к модусу сиюминутной повседневности и является откликом на актуальные события [\[32, S.25\]](#).

Размышления над “литературой тенденции” занимали и Г. Гейне. В стихотворении “Тенденция” он иронизирует над авторами подобного рода поэзии: “Труби, громи, уничтожай заразу, // Пока последний враг не убежит; // Лишь в этом находи своё

призвание, // Но придержи поэта дарование // И говори возможно в общих фразах! [\[13, S. 330-331.\]](#) Претензия со стороны Гейне имела двойную природу: во-первых, она касалась формальной стороны — эстетических качеств подобного рода поэзии, а во-вторых, ее содержания и прагматического значения. За большинством стихов он обнаруживает лишь пустые, мало значащие и бесплодные фразы, не способные подвигнуть читателя на поступок.

Другой публицист Й. Фрауенштаф исходил из другого, он полагал, что партийность поэта лишает его объективности, поскольку обрывает связь с вечными ценностями. В пример он приводит извечно актуальные произведения Гомера, поэта "нерасчлененного мира", который видел значимость каждой вещи, тогда как «современная поэзия в угоду времени может с восторгом восприниматься сегодня, но не будет иметь ценности для потомков» [\[8, S. 169-173.\]](#).

В заочный спор с подобным взглядом вступает Л. Берне с его чеканным лозунгом: «Нельзя требовать от писателя, чтобы он без ненависти и любви, возносясь над всеми тучами эгоизма, слышал грозу под собою» [\[33\]](#). Л. Берне вполне откровенен в своей непрятательности на объективность. Искренность — это, пожалуй, единственное качество, которого, по мысли Берне, стоит непременно требовать от автора [\[33\]](#).

Известный литературный спор на почве политического стихотворчества и литературной публицистики разгорелся между Л. Бёрне и известным критиком и историком литературы В. Менцелем, автором "Немецкой литературы" 1828 г. и редактором журнала "Литератур-блат".

На рубеже 1820-30-х гг. В. Менцель был известен как представитель умеренного либерального лагеря. В его истории немецкой литературы можно найти следующие суждения: «Либеральная партия - это партия, которая определяет политический характер нового времени, в то время как так называемая сервильная партия все еще действует в основном в духе средневековья [...] Вся литература - это триумф либерализма, ибо его врагам даже приходится фехтовать его оружием» [\[14\]](#).

Ряд современников и исследователей отмечали поверхность его либерализма и закономерным поворот к консервативным взглядам в середине 1830-х гг. Именно его критические выпады в сторону авторов "Молодой Германии" были широко известны, во многом благодаряnim последовал запрет произведений авторов близких движению. А когда Л. Бёрне начал издавать журнал "La Balans" и критически откликаться на новое направление мысли и творческой деятельности Менцеля, которое сопровождалось националистическими выпадами в сторону его оппонентов. Особенно заметна его статья "Галлофобия М. Менцеля". Последний воспринял ее содержание как личное оскорблениe. Особенно яростным нападкам Бёрне подвергся в статье "Бёрне и немецкий патриотизм", помещенной в "Литератур-Блат" в 1836 году [\[23\]](#), в которой он обвиняет Бёрне в национальном предательстве. Л. Бёрне в свою очередь отвечает на обвинения знаменитой статьей "Менцель-французоед", которая кроме своего полемического назначения с особой ясностью изложила его космополитические идеалы.

Л. Бёрне задаётся вопросом: "Неужели эгоизм государства не такой же порок, как эгоизм отдельного человека? Разве справедливость перестает быть добродетелью, как скоро ее применяют к чужому народу?" [\[33, С. 57\]](#).

Видно, что авторы разошлись не только в своих оценках роли политических сюжетов в

литературе, но скорее, общественного состояния в Германских государствах. Центральным узлом спора становится размышление обоих авторов о природе патриотизма. Их столкновение выглядит уже как в прямом смысле идеологическое, это дискуссия национально заряженного патриотизма и демократически ориентированного космополитизма.

Спор о "партийности" поэзии приобретал также форму прямой поэтической полемики. Пожалуй, наиболее широкий резонанс получила своеобразная "дуэль в стихах" Ф. Фрейлиграта с Г. Гервегом. В растиражированных финальных строчках поэмы Ф. Фрейлиграта «Из Испании» (1842) слышится извинительный тон за обращение к политической теме: «Поэт на башне более высокой, // чем вышка партии стоит» [9, S.13]. Г. Гервег отозвался стихотворением «Партия» (1842), обосновывая необходимость политической ангажированности искусства: «О партия! Для нас ты – мать всех свершений! / Желаем, чтобы ты к победам нас вела / Ты делаешь слова сильней и совершенней, / Преображая их в великие дела!» [17, S. 31].

Спор необычайно взволновал немецкую общественность и не завершился простым обменом "поэтическими ударами" — между Фрейлигратом и Гервегом завязывается переписка. Ф. Фрейлиграт в одном из своих писем лаконично пояснил свою позицию, которая бы пришлась по вкусу сторонникам «классической школы»: "Поэзия как раз и должна придерживаться вечного, непреходящего" [11], Гервега же он упрекал в откровенном субъективизме. В свою очередь Гервег парировал указанием на то, что его стихи не стоит понимать как субъективные суждения, напротив, в них надо видеть отклик поэта на объективное положение вещей. Не смотря на высокий градус дискуссии, спор носил поначалу вполне умеренный и даже приятельский характер. Г. Гервег признавался: "Если бы мы двое могли пойти по одному пути и быть связанны узами одной веры, сколь бы это было прекрасно, сколь желанно для меня!" [11].

Проблема спора усугублялась обманчивой ясностью предмета полемики. Дело в том, что понятие "партия" в немецком языке обозначало не политическую ассоциацию и объединение, а более или менее определенное направление мысли. В словаре И.Г. Кампе можно было найти следующее определение партии: "Сообщество людей, которые придерживаются одинаковых взглядов, принципов, веры". В качестве синонимов "партии" автор словаря приводил ученое латинское слово «факция» и религиозно окрашенное понятие «секта» [3, S. 587]. Само слово "партия", по всей видимости, носило отчетливо негативную окраску, а кроме того, представляло собой довольно размытое понятие. Как пишет в своем исследовании Т. Шидер, до революции 1848 года "партии были более или менее мысленными образованиями, диалектическими моментами в процессе интеллектуальной истории, но не реальными политическими группами" [30, S. 117].

Даже "Политика" Ф.К. Дальмана, пожалуй, важнейшее произведение немецкого либерализма, вполне обходится без обращения к партийной терминологии [29, S. 149]. В политическом дискурсе либерально-демократической общественности господствовал принцип «всебытности», метафоры не разобщения, но интеграции, которые порой приобретали архаически-просвещенческий космополитический характер. Так, Л. Отто в стихотворении, посвященном А. Мейснеру писал, что нужно "нести счастье всему человечеству", а не партиям [29, S. 151].

Здесь себя и обнаруживает проблема в трактовке понятий. Долгое время считалось, что

Г. Гервег нацелил свое требование на создание партии нового типа. Но, по всей видимости, он едва ли мог иметь в виду партийность в современном смысле этого слова, а, скорее, говорил о недопустимости политической поэзии, лишенной всякого характера и абсолютно безразличной позиции по отношению к общественно-политическим проблемам Германии [29, S. 148]. Постепенное изменение в значении и словоупотреблении слова "партия" можно увидеть в словаре братьев Гримм. Там партия имеет уже более ясно артикулируемое значение. В качестве одного из основных значений партий можно найти следующее: "Совокупность единомышленников и направление, которое они представляют в религиозных, политических, социальных или научных вопросах, в отличие от других единомышленников и в борьбе с ними". Важно отметить, что в этом определении появляется ясно выраженный деятельностный компонент и идея конкуренции.

В спор Фрейлиграта и Гервега, однако, вмешалась третья сторона. К поэтической и эпистолярной дискуссии подключился еще один видный лирик той эпохи Э. Гейбель. Он выступил на стороне Ф. Фрейлиграта, претендую на объективность и беспристрастность, объявил, что "служит одной только истине". Э. Гейбель выводит спор из эстетической плоскости в пространство актуальной политики, обвиняя Г. Гервега в политическом радикализме: "Известно ли тебе, / Что твои песни призывают к бунту? / Что каждый в своем сердце / Их в худшем свете истолкует [11].

Ф. Фрейлиграт в стихотворении "Письмо" поддержал позицию Э. Гейбеля и подчеркнул неосмотрительность своего оппонента. Признавая его благородное стремление к свободе, он одновременно осудил его методы, которые грозят, по его мнению, нанести общему немецкому делу лишь вред:

За тобой, как неуклюжие жнецы, следует

Едва слышный шелест;

Это побегов дрожь

На юном дереве свободы!

Дрожь почек и побегов,

Которые его радостно украшали!

Которые, к несчастью, ударами

Ты едва все не поломал [11].

И Гейбель, и Фрейлиграт призывают Г. Гервега к умеренности, подчеркивая, что он своими стихами не способствует преумножению свободы, а становится препятствием на пути дела, за которое взялся бороться. Хотя показателен тот факт, что впоследствии Фрейлиграт перейдет на сторону Г. Гервега и превратится в одного из самых заметных политических стихотворцев эпохи. К этому его могла подтолкнуть как личная встреча с прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV и последовавшее за ней разочарование в устремлениях прусских властей, так и личные наблюдения за усиливающейся в Германии политической реакцией, а также дискуссиями, которые он вел со своими коллегами по ремеслу. Известно, что он тесно общался с А. Гофманом фон Фаллерслебеном [11]. В предисловии к сборнику "Символ веры" (1844) он напишет: "Худшее, в чем они (его критики – прим. В.С.) могут обвинить меня, возможно, ограничится одним лишь тем, что я

все же спустился с высокой сторожевой башни на зубчатую стену партии" [\[1\]](#).

Еще один автор близкий «Молодой Германии», К. Гуцков уже в послереволюционную пору скажет в одной из своих статей, что “тенденциозная поэзия по праву должна считаться поэзией девятнадцатого столетия” [\[29, S. 154.\]](#). К. Гуцков верит, что поэзия осознанно или нет служила внеэстетическим целям на протяжении всей своей истории: “Она (политика-прим. В.С.) использует поэтические формы только тогда, когда воображение превращает себя в союзницу какой-либо мысли, более или менее связанной с положением человечества” [\[29, S. 154.\]](#).

Заключение

Как видно, заметным явлением эпохи 1830-1840-х гг., предшествовавшей новой волне европейских революций, становится утверждение новых принципов в оценке литературных произведений, затрагивающих общественно-политическую проблематику.

Во-первых, наблюдается окончательное утверждение принципа историзма. Обращение к политическим и социальным сюжетам расценивается авторитетными авторами как закономерное следствие развития немецкого общества и ответ не вызовы, стоящие перед ним.

Во-вторых, происходит легитимация политической поэзии на теоретическом уровне, однако до конца не снимается мучительное для многих писателей противоречие между политикой и эстетикой.

В-третьих, литературные дискуссии постепенно выходят из художественно-эстетической сферы в сферу практической политики. Заслугой поэзии и литературной критики стало воспитание среди читательской аудитории привычки к обсуждению общественно важных тем, и подготовка пространства для публичной дискуссии о свободе и единстве нации.

Среди видных литераторов, обращавшихся в политической лирике, можно выделить две позиции:

- 1) Признание приоритета политических задач художественного произведения над эстетическими или по меньшей мере согласие на их паритет (это авторы отчетливо леволиберальных взглядов Г. Гервег, Ф. Фрейлиграт).
- 2) Отрицание любой возможности приоритета политического содержания над эстетическими задачами лирики, но не отказ ангажированной лирике в независимом статусе (Подобную неоднозначную позицию занимал, например, Г. Гейне).

В свою очередь, в литературно-критические споры начинает проникать и прямая политическая полемика: умеренные реформистские взгляды сталкиваются с радикально-демократическими и революционными, национально-патриотическая риторика вступает в спор с космополитической.

Предварительный, но, вероятно, не вполне устойчивый консенсус складывается в среде либерального и демократически настроенного немецкого литературного сообщества. Его на первый взгляд излишне абстрактный, но определяюще важный принцип, пожалуй, лучше всего описывает фраза Л. Бёрне из эпистолярного сборника «Письма из Парижа» (1830—1833): «Тот, кто почтает искусство как божество, грешит против самого искусства» [\[38, С. 67\]](#). Насколько же успешно он будет реализован на практике в скором времени покажет опыт политической лирики уже в революционные 1848-1849 годы.

Библиография

1. 150 Jahre "Ein Glaubensbekenntniß" (Ferdinand Freiligrath) Rede zum Festakt im Hansensaal auf Burg Rheinfels/St. Goar am 23. September 1994 von Jürgen Helbac. [Electronic resource]: URL: <http://www.jhelbach.de/freiligr/reprint.htm> [дата обращения 20.01.2024].
2. Börne L. Menzel der Franzosenfresser, Frankfurt a. M., 1848.
3. Campe J.H. Wörterbuch der deutschen Sprache Band 3, Braunschweig, 1809.
4. Der Protestantismus und die Romantik. Zur Verständigung über die Zeit und ihre Gegensaetze. Ein Manifest von Theodor Echtermeyer und Arnold Ruge. Hallische Jahrbuecher fuer deutsche Wissenschaft und Kunst. Nachdruck; Gerstenberg, Hildesheim 1972.
5. Die romantische Schule. // Heine H. Historisch-kritische Gesamtausgabe der Werke. Hrsg. von Manfred Windfuhr. Bd. 8/1. Hamburg, 1979.
6. Diplomatisches Archiv für die deutschen Bundesstaaten: grösstentheils nach officiellen Quellen // Hrsg. Miruss A. Bd. 3, Leipzig, 1848.
7. Eke N.-O. Hoffmann von Fallersleben und der Vormärz // August Heinrich Hoffmann von Fallersleben im Kontext des 19. Jahrhunderts und der Moderne. Internationales Symposium Fallersleben 2017 / Hrsg. Berghahn C.-F., Henkel G., Schuster K. Bielefeld, 2019. S. 295-314.
8. Frauenstädt J. Aesthetische Fragen. Dessau, 1853.
9. Freiligrath F. Werke in sechs Teilen. Band 2, Berlin, 1909.
10. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1971.
11. Häntzschel G. Das Ende der Kunstperiode? Heinrich Heine und Goethe // Goethes Kritiker. Hrsg. Eibl K., Scheffer B., Paderborn, 2001. S. 57-70.
12. Heine H. Werke und Briefe in zehn Bänden. Band 1, Berlin und Weimar, 1972.
13. Heine H. Die deutsche Literatur von Wolfgang Menzel. 2 Theile. Stuttgart, bei Gebrüder Frankh. 1828. // Neue allgemeine politische Annalen, Bd. 27, Heft 3 (1828), S. 284-298.
14. Die deutsche Literatur von Wolfgang Menzel. 2 Theile. Stuttgart, bei Gebrüder Frankh. 1828. Neue allgemeine politische Annalen. Bd. 27, 1828, Heft 3, [Mitte Juni], S. 284-298.
15. Herwegh G. Werke in einem Band, hg. von Hans-Georg Werner. 2., Berlin/Weimar 1975.
16. Herweghs Werke in drei Teilen. Band 2, Berlin, Leipzig, Wien, Stuttgart, 1909.
17. Hoffmann von Fallersleben A.H. Deutsche Lieder aus der Schweiz, Hildesheim/New York 1975.
18. Hohendahl P. U. Franciscono R.B. Building a National Literature: The Case of Germany, 1830-1870. Cornell University Press, 1989.
19. Kuhne F.G. *Gesammelte Schriften* (12 Bände). Leipzig/Berlin 1862-1867.
20. Margraff H. Politische Gedichte aus Deutschlands Neuzeit, von Klopstock bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1843.
21. Menzel W. Die deutsche Literatur. Hallberg, Stuttgart, 1836.
22. Menzel W. Herr Börne und der deutsche Patriotismus // Literaturblatt vom 11. April 1836.
23. Moritz K.P. Werke. Schriften zur Kunst und Mythologie, Frankfurt/M. 1981.
24. Mundt T. Aesthetik. Die Idee der Schönheit und des Kunstwerks im Lichte unserer Zeit. Berlin., 1845.
25. Mundt T. Allgemeine Literaturgeschichte. Dritter Band: Die Literatur der Revolutionsperiode (Neunzehntes Jahrhundert). Berlin., 1846.
26. Mundt T. Allgemeine Literaturgeschichte. Vierter Band: Die Literatur der Revolutionsperiode (Neunzehntes Jahrhundert). Berlin., 1846.
27. Prutz R.E. Die Politische Poesie der Deutschen. Leipzig, 1845.
28. Rudorf F. Poetologische Lyrik und politische Dichtung: Theorie und Probleme der

- modernen politischen Dichtung in den Reflexionen poetologischer Gedichte von der Aufklarung bis zur Gegenwart, Frankfurt am Main, 1988.
29. Schäfer-Hartmann G. Literaturgeschichte als wahre Geschichte: Mittelalterrezeption in der deutschen Literaturgeschichtsschreibung des 19. Jahrhunderts und politische Instrumentalierung des Mittelalters durch Preußen. Frankfurt am Main, 2009.
30. Schieder T. Die Theorie der Partei im älteren deutschen Liberalismus // Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit, Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, München 1958.
31. Tschopp S.S. Von den Aporien politischen Dichtens im Vormärz: Robert Eduard Prutz // Euph 95/1 (2001). S. 39–67.
32. Vischer F.T. Shakspeare in seinem Verhältniß zur deutschen Poesie, insbesondere zur politischen, in: Ders, Kritische Gänge. Neue Folge, Heft 2, Stuttgart 1861. S. 1-61.
33. Порозовская Б.Д. Людвиг Бёрне. его жизнь и литературная деятельность. СПбг., 1893.
34. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М., 2014.
35. Тураев С. В. Литература 1830-1849 гг.: Берне. Бюхнер. Гейне периода эмиграции. «Предмартовская поэзия и публицистика» // История Всемирной литературы: в 9 т., Т. 6. М., 1989. С. 65-78.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии статьи и разъяснен в тексте.

Методология исследования. Автор в статье не раскрывает методологию на которую он опирался. Но из текста работы ясно, что статья базируется на общенаучных (анализ, синтез, сравнение) методах исследования. Кроме того, в работе использованы историко-культурный и историко-сравнительный и др. методы.

Актуальность темы определена тем, что дискуссия об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике 30-40-х годов XIX в. дает возможность изучить особенностей развития общественно-политических и национальных идей в Германии того периода.

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна также обусловлена тем, что в статье проведен анализ дискуссии относительно политической лирики, отражающую общественно-политические идеи в Германии в первой половине XIX в.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом следует отнести к научному, при этом доступному для широкого круга читателей. Язык статьи точный и ясный. Структура статьи направлена на достижение цели и задач исследование. Структура статьи состоит из следующих разделов: Вводные замечания: проблемное поле дискуссии; Споры о партийности в литературе и «тенденциозной» поэзии; Заключение. В разделе «Вводные замечания: проблемное поле дискуссии» автор статьи пишет о причинах дискуссии и пишет, что в 30-40-ые годы XIX в. отмечается рост активности немцев в политической сфере. И причина этого была в том, что Германское государство столкнулось с двумя вызовами: один носил «национальный характер и был связан с актуализацией вопроса о единстве немцев и их интеграции в единое гражданское сообщество, другой же был «политико-правового толка» и касался проблемы демократизации политической системы Германских государств». И эти вызовы проявились в сфере литературной критики, которая была своеобразным институтом общественного мнения. Дискуссия проходила в

период достаточно строгой цензуры со стороны властей, но тем не менее шла достаточно активно. Автор отмечает, что важность дискуссии в общественно-политической сфере и подчеркивает, что центральный вопрос дискуссии был в том, «насколько поэзия способна и вообще должна отвечать веяниям времени, обращаться к современности, может ли она решать по преимуществу общественно-политические задачи, при этом оставаясь произведением искусства и сохраняя свою эстетическую ценность?». Выделены три круга тем, по которым шла дискуссия. В следующем разделе «Споры о партийности в литературе и «тенденциозной» поэзии названы имена основных участников дискуссии, дан анализ их воззрений и показаны по каким вопросам их взгляды разнятся. В заключении автор приводит выводы по теме исследования. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен.

Библиография работы состоит из 35 источников по теме исследования и смежным темам на русском и немецком языках.

Апелляция к оппонентам представлена собранной в ходе работы над статьей информации и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна читателям журнала «Исторический журнал: научные исследования».